

К 1212500

Свиридов

РЕКЛАМНАЯ
БИБЛИОТЕЧКА
ПОЭЗИИ

Сергей
ВИКУЛОВ
СВЯТАЯ ПРОСТОТА

«РБП», Москва, 1993

СВЯТАЯ ПРОСТОТА

...Видно, уж таков он есть от Бога,
Мой народ, святая простота.
Испокон влекла его дорога,
Дикие, предельные места.
Прорубиться, переплыть!.. И где-то
Лес свалить, разделать новину...
И оставить все: жену и деток,
Коли царь покличет на войну.
Кровушку свою пролив в сраженьях,
Возвернуться, ежели судьба.
И опять за пенья да коренья
Взяться — и горбатить до горба.
Чертоломить от зари-восхода
До зари... Какая бы ни власть.
Одного боясь лишь: недорода,
Ничего другого не боясь.
Лишь бы это вот: «земля —

крестьянам»

Стало делом — раз и навсегда!
Лишь бы из крестьянского кармана
Все за так не рвали города.
Чтоб хозяйству не было урона,
Чтобы не пришло в разор оно...
Ну а кто на троне, возле трона —
Господи! — ему не все ль равно!
Есть в Расее-матушке порядок —
И добро, и неча зря гундеть...
Ну а нет — так можно и варягов
Кликнуть: «Приходите володеть!»
Приходили, кажется, когда-то:
Русь — от века лакомый кусок...
Только изменились времена-то,
Старое — оно ушло в песок.
И варягов звать уже не надо:
Их, охочих править, скажем так,
Да и володеть, — кругом и рядом
Ныне как нерезанных собак.
Всяк про гуманизм и про культуру
Говорит, а в мыслях держит, тать,
Как бы половчей Россию-дуру
Обвести вокруг пальца,
И не шкуру —
Целых две иль три с нее содрать!
...А народ — он пьет да спит,
беспечен.

Он и видит вроде это зло,
И ворчит, случается.. Но с печек
Не спешит слезать: не припекло.
Мол, еще не «выстала» дорога,
Есть, мол, непроезжие места...
Что с него... Таков уж он от Бога,
Мой народ, святая простота.

ЯГДНОЕ ЛЕТО

...И сотворила чудо Мать-природа,
Простив, как видно, людям все вины.
Мой край такого ягдного года,
Пожалуй, не знавал после войны.
Сначала наливными янтарями
Рассыпалась морошка средь болот.
Да густо до чего! Бери горстями.
И брал горстями, кажется, народ.
Потом пахнула медом земляника
С лугов, с опушек солнечных
в свой срок.
Потом — опять в болотинах —
черника

Всклубилась тучей...

Люди сбились с ног.

Кого ни встретишь — полную

корзину,

Счастливым, прет. А ближе к вечерку
Как по ветру — все юбки к магазину.
Узнать, не привезли ли сахарку.
Нет...

Пусто снова, как на месте лобном,
На полочках...

Зажаты в кулаки

Талоны. За пять месяцев...

И злобно

У входа бабы чешут языки.

Старушка — губы сжаты в укоризне —

Послушав их, пропела из угла:

— Нет, бабы, и не ждите...

Сладкой жизни

Вам не видать, она уже была.

Али забыли? То-то...

А другая,

Как будто и не слышала, — свое:

— ...Пойди пойми: все Сталина

ругали,

На Ленина теперь, как воронье,

Накинулись... Неслыханное дело!

Горгочут: в землю надо закопать...

А Ленин-то давно уже не тело,

А вера, это ж надо понимать!

Ее ж вбивали в голову народа —

Опять же, кто? — без малого сто лет.

Мол, Ленин — это равенство, свобода,

Великий вождь и знамя всех побед...

— Заткнись, Авдотья!

Хлеба вон к обеду

Возьми — и дуй отседова! Бегом!

А то...

Москва вон празднует победу...
— Над кем?
— Само собою, над врагом.
На этот раз без Ленина, похоже...
— Ну вот, ужели ты не поняла? —
Вмешался дед.—И над тобою—тоже..
Ты в партии-то сколько лет была?
Молилась сколько лет на Ильича-то?..
— Мои молитвы знает скотный двор...
— Допустим... А райком твой

опечатан!
И у дверей с винтовкою — майор!
— Да ты чего?—окрысилась

на деда. —
Иль спятил? Иль объелся беленой?
Какая ж это, к лешему, победа,
Коли она, ты баеешь, надо мной?
Не верю! —повернулась. —

Дайте выйти!
А продавщица: — Бабоньки, и вы
Паняйте-ко!.. Устроили тут митинг!
Как будто демократы из Москвы.
Идите с Богом! Коли будет сахар —
Оповешу... — А дедко от стола:
— Да ты бы нам хоть пряников,

деваха,
Которые послаще, завезла.
Макали б с чаем... Али сахарину —
Поднялся: — Эх, бывалоча в войну...
Ну, нет — так нет.

Пойду сушить малину.
Печь затоплю. Обрадую жену.
...Я тоже вышел. Люди в огородах —
Кто подбирал картошку с гряд, кто
жег

ботву, кто лук вязал, кто воду
Таскал для баць — субботний был
денек.

И лишь в одной избе (видать, забыли
нажать на кнопку) ящик грохотал:
В Москве кого-то вроде, хоронили,
И кто-то речь надгробную читал...

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

7 ноября 1991 года

Ни маршей, ни знамен,
ни транспарантов,
Как здесь бывало в этот день с утра.

Лишь звон,
зауспокойный звон курантов,
Еще такой торжественный вчера.
От топот караула по брусчатке
От Спасской к мавзолею Ильича;
Он шел, бросая белые перчатки,
Направо вниз от левого плеча.
Он шел по всем законам ритуала,
Стараясь показаться... Но кому?
...А площадь будто что-то

вспоминала,
Прислушивалась будто бы к чему.
И долетел до площади нежданно
(Вчера закрытой было на засов)
Шагов неторопливых гул державный
И шум обвалный тысяч голосов.
Накатывался он лавиной снежной
Парадному уставу вопреки

Не слева, не от площади Манежной,
А справа, справа, справа — от реки.
Не под гору колонна шла, а в гору,
Своим единодушием горда,
Туда, где место лобное, туда,
Где смутно в небе смутном в эту пору
Проглядывала красная звезда.

...Вот чуть она замедлила, колонна,
У Покрова*, известного в Москве,
И Минин и Пожарский под знамена
Ее сошли и встали во главе!

А что ж им было делать, коль живые
Вожди свои не заняли места...

Трибуна госпартийная впервые
В «великий этот день» была пуста.

Ни одного рево-люци-онера
Не дождалась трибуна... А народ,

Не глядяна запугиванья (мера),
Не глядяна запугиванья (мера),

(Смешна была народу эта мера),
Пришел на площадь, все-таки! —И вот,

Недоброе почуяв в этом что-то,
Он устремил на Кремль суровый взор

И выдохнул: «Позор!»

в сто тысяч глоток
И следом много раз еще «Позор!»

...Кому-то вольно

помнить иль не помнить
Вот этот рев под стенами Кремля.

История ж не может быть неполной,
Не может быть не круглою Земля!

* Храм Василия Блаженного.

В ДОРОГЕ

— Тпру! Стойте вы! —
И стали грузно клячи.
И, вожжи натянув, как провода,
Извозчик обернулся: — Не иначе,
Не той дорогой едем, не туда...
Теперь бы уж садам, по всем
расчетам,
Цвести, дворцам сиять во всей красе,
А тут опять, побачьте-ко, болота
И нет намека даже на шоссе.
— Как не туда?! — взъярились
пассажиры. —
Кто нас дурил: «До станции рукой
Подать!» — И мы терпели, еле живы
От тряски по дороге по такой...
И что теперь? Назад?! —
В глазах угроза,
В словах упрек:
— Коль взялся — так рули!
Ведь мы же половину, глянь-ко, воза
На этом бездорожье растрясли!
С чем нам назад-то, сырым

да убогим?
Да уж и сил не хватит нам — назад...
По сторонам неправильной дороги,
Взгляни, не наши ль косточки лежат —
То пылью припорошены, то снегом...
Дорога нам давалась нелегко...
Зачем ты с нашей русскою телегой
По ней заехал эдак далеко?
Загнал вконец, замучил птицу-тройку?
Верст семьдесят трусила без овса...
— Пусть вожжи сдаст!
— Пусть платит неустойку! —
Пробились голоса от колеса.
И, заглушая гневный этот ропот,
Извозчик встал и рывкнул в простоте:
— А я-т при чем, коли на поворотах
Стояли указатели не те!..

ПО ПОВОДУ...

«НАДО, — не стихает канонада
Пламенных речей который год, —
Надо, чтоб пошли реформы,
Надо
НАКОРМИТЬ НАРОД!»

Накормить... Вот так!
...Вернется с поля —
Подвести к корыту за рога,
Каждому плеснуть немного пойла,
Бросить по кусочку пирога,
Хлебушка — желательно, без нормы —
Из заокеанского зерна...
Накормить! И двинутся реформы,
Крепко станет на ноги страна.
Вот такую видится картина
Дядям, что не прочь поговорить...
Но народ, простите, не скотина,
Чтобы так вот: «надо накормить».
В сих словах — навет.
И даже боле
(Если поглядеть со стороны) —
Оскорбленье собственного поля,
Унижение пахаря страны!
Пахарю — откуда бы ни дуло —
Надо дать землицу полюбить,
Дать себя почувствовать Микулой,
Сошку, как Микула, заглубить.
Самому пустить поглубже корни...
И тогда с надела своего
Он себя и вас, отцы, накормит,
Пусть вас будет семь на одного!

СЕРП И МОЛОТ

...Еще один заканчивался год
Великой перестройки, и народ
Толпился с номерами на ладонях
В очередях, и в русском «Белом
доме»
Кипел законотворческий базар...
А в полночь, как о том вещали
«Вести»,
Упали Серп и Молот
С Флагом вместе,
Упали прямо в грязь, на тротуар.

И Серп спросил у Молота: —
Мой друг!
Так что, союзу нашему каюк?
— Выходит так, — ответил гулко
Молот. —
Союз Серпа и Молота расколот.

Мы сброшены и с флага, и с герба:
Ты — Серп мужицкий, я — рабочий
Молот...
— Так что же будет?
— Может, даже голод...
По-нашему, рабочему, — труба!

Сам посуди: я плуга не скую —
И ты не вспашешь полосу свою,
И, значит, горовую, не засеешь...
Ведь было ж — помнишь? —
было так в Рассее,
Когда я хлеб прикладом молотил
(Не на гумне, а около амбара!)
И хлестким — извини меня — ударом
Скулу тебе однажды своротил!

Ни ты, ни я теперь, а «средний
слой» —
Опора власти...
— Нет, ты очень злой,
Мой друг, сегодня! С этим самым
слоем
Не двое будет нас уже, а трое...
— Да как сказать... — не глядя
на дружка,
Ответил Молот голосом
печальным.—
Ты—в поле будешь, я—у наковальни,
А слой... он будет вечно у мешка!

На корабле с названьем «Капитал»
Он будет господин и капитан.
А мы с тобою... — Молот
поугрюмел. —
Мы будем обитать с тобою в трюме,
Поскольку мы, по-ихнему, «рабы»
По духу, по рождению, по крови...
— А если?.. —
Серп сурово сдвинул брови.
— А! — звякнул Молот. — Если б
да кабы...

Им не было нужды в скрижалях
ржавых.
Они в пылу отведенных им дней
Трудились, чтоб не только дух
Державы,
Но даже память вытравить о ней.

Трудились, демонстрируя отвагу,
Народу запечатавши уста.
И вот уж церкви отданы ГУЛАГу
И взорван Храм Спасителя Христа.

И пере-име-нованы — в угоду
Гордыне их — названья городов
На радость «благодарному» народу,
Поверившему в «братство и
свободу» —
Из первых первый лозунг тех годов.

О, как спешили, как они спешили
«За будущее светлое в борьбе»...
И памятники старые крушили,
И возводили новые себе

На красных, из гранита, пьедесталах,
Высоких, словно башни, на века!
Чтоб, и поднявшись даже, не достала
Народа «благодарного» рука.

Достала!
Тщетны были их усилья!
Вон, кувырнулись наземь, погляди,
И кто на самом темечке России
Сидел,
и кто гнезвился на груди!

ВСАДНИК И КОНЬ

ПЬЕДЕСТАЛЫ

О как они отважно потрошили
Россию в те лихие времена!
И, словно что-то чувствуя, спешили
Свои увековечить имена.

Пред ликом смерти — было так
от века —
В глухую ночь или при свете дня,
Бог вдруг дарил дорогу человеку!
И шанс спастись — единственный! —
коня.

И конь летел через леса и горы,
Неведомые дикие места,
Мчал, откликаясь яростно на шпоры
И на удары жгучего кнута.
Мчал, удилам и всаднику доверяясь,
Летел, как всадник, сам разгорячен,
Прощая в нем проснувшегося зверя,
Не думая совсем, что обречен,
Что эта скачка черными полями
Последняя... И что через часок
Он пеною набитыми ноздрями
Уткнется в пыль дорожную, в песок.
Что будет там, в конце, ему —

не торба
С овсом, не из колодечка ведро,
А сапогом тычок жестокий в морду
И два еще, вдобавок, под ребро.
За то, что растянулся, обессилев,
На полпути... не выручил, не спас...
...Про лошадь говорю. Но о России
Я почему-то думаю сейчас.

У КОРЫТА

Басня

Хрючок (о нем сегодня мой рассказ)
Не выделялся в поросячьем стаде
Почти ничем. Его Хозяин пас
Со всеми вместе и в одной ограде.
Все делал он, как все: и пил, и ел...
Как все, из грязи днями не вылазил.
И в небо — даже лежал! — не глядел.
Лишь малость на отличку хрюкал

разве.
Не возмущаясь, хрюкал, не сердясь,
А жалостливо этак, даже мило!
«Хрю-хрю-ю!» —

тянул он, «принимая» грязь,
И чувствовал: неплохо выходило.
Компанию, однако, он любил,
Причем такую, чтобы рыло в рыло.
Кто что-то не доел иль не допил —
Он мог доест, допить:

не гордым был он.
И допивал. И в этом интерес
Особый находил он, как ни странно.
И набирал довольно быстро вес,
Притом не только тот,
что в килограммах.

И был, как говорят, «положен глаз»
В ту пору на него. В другое стойло
Хрючок был переведен — это раз,
И два — стал получать погуще поило.
И был над ним засвечен ночничок,
Чтоб он не портил глаз. Его помыли,
Ему позолотили пяточок
И о корыте новом не забыли!
Комфортом окружен со всех сторон,
Теперь ничем он не был озабочен.
И хоть на луг, как прежде, бегал он,
Но целину уж больше не ворочал.
Так... иногда... для виду подберет
Чего-нибудь, где рыго-перерыто...
О стойле мысль его!

Он знает: ждет
Его там не порожнее корыто.
Ему там уваженье и почет.
Он хрюкает под крышею сарая
Вовсю, свой золоченый пяточок
По-птички чуть не в небо задирая!
И верит, что «хрю-хрю» его вполне
Демократично, в общем, и певуче...
«Но это ж случай...» — скажете вы

мке.
Ну, да.. Но характерный очень
случай!

СЮЖЕТ ШЕСТОГО ГОДА ПЕРЕСТРОЙКИ

В Калуге, в своем рабочем кабинете, выстрелами в упор убит редактор областной газеты Иван Фомин. (Из хроник 1989 г.).

Табличка возвещала на дверях:
«Редактор» — что ему и было надо.
Не постучав, открыл ногою дверь
И, сделав три шага, остановился.
Редактор вскинул голову. Очки
На лоб одним движением отправил
И жестом указал на стул: «Прошу!»
И весело добавил: «Вы с завода?
С рабочим классом рад поговорить!»
Но гость лишь только
рот скривил в ответ.

И правую рукою под полой
Нашупав не спеша цевье обреза,
Промолвил: «Я пришел тебя убить».
Редактор («Что за странный
человек?!»)

Не вскрикнул,
не упал со стула в страхе,
Глаза — в глаза, негромко произнес:
«Но почему же Вы со мной на «ты»?
Мы с Вами, вроде, даже
незнакомы...»

Оторопел на миг от этих слов:
«Знакомы... — гость ответил. —
Я — народ.

Ты — партия. С семнадцатого года
Друг друга знаем мы».

Подул в стволы
И, явно наслаждаясь превосходством
Над жертвою, продолжил:

«Не слышал?..
На главных площадях

первопрестольной
Гремит все чаще — Партию к суду!
И возражений с вашей стороны
Не слышно что-то...

Нету возражений!» —
Он взвел курки.—Не трогай телефон!

Зазря не егозись... Мой приговор
Обжалованью... — так, как будто,
пишут

Советские суды — ...не подлежит!»
«Ну что же... будь по-Вашему...
Но слово,
Последнее, надеюсь я, за мной?»

Он палец снял с курка: «Одна минута
В твоём распоряжении. Давай!»
«Благодарю... Я признаю вину.

Я понял: я виновен перед Вами,
Несчастный человек,
Виновен в том,
Что сделал далеко не все, что мог,
Чтоб Вы, слепой с рождения,
прозрели...

Хотя, увы, я мог не так уж много...
Виновен, что не противостоял
Всем тем, кто Вас науськивал открыто
На партию, как главного врага...

Я — жертва перестройки, но и Вы...
И Вам перед судом предстать
придется...

И если даже Вас не расстреляют,—
Для Родины, когда она воспрянет,
Запомните, Вы будете мертвец.
И мне по-человечески Вас жалко...»
«Жалей себя!» —И грянула картечь.

«С момента выхода первой книжки стихов («Завоеванное счастье», Вологда, 1949) на протяжении трех десятков лет Сергей ВИКУЛОВ как поэт сердцем связан с деревней. После Исаковского, Прокофьева, Твардовского он один из самых ревностных, самых последовательных певцов крестьянской России на ее новом этапе», — так написал о творчестве Сергея Викулова известный критик, профессор-литературовед П. С. Выходцев.

Именно этой наиболее сильной стороной дарования Сергея Викулова отличалась его книга «Плуг и борозда», удостоенная Государственной премии РСФСР имени А. М. Горького за 1974 год.

Большой вклад С. Викулов внес в развитие эпического жанра в современной поэзии. Он автор более десятка поэм — «Окнами на зарю», «Против неба на земле», «Одна навек», «Письма из деревни», «Посев и жатва», «Гражданская война» и других, — характерной особенностью которых является не пассивная созерцательность, не любование пейзажами, а глубокое проникновение в народную душу, осмысление социальных, нравственных и патриотических ее начал.

В данную подборку вошли стихи, написанные за последние два-три года. Их высокая гражданственность и публицистичность — печать времени, характерного прозрениями, обострением мыслей и чувств.

Член Союза писателей. Живет в Москве.

Стихи выходят в авторской редакции.

«Федеральная целевая программа книгоиздания России».

В $\frac{4702010202-076}{6M4(03)-93}$ Без объявл.

© «РБП», 1993

Составитель Библиотечки — В. А. Ленцов. Редактор А. Ф. Шитиков.

Художник А. В. Петров.

Корректор Л. Н. Романенкова.

Тираж 900 экз. Цена договорная. Зак. 277. Типография ВВ МВД России.